

С печалью и радостью

Рубль тура. 1999. 25 февр. — 3 март. — с. 12.

Большому драматическому театру — 80 лет

Товстоногов репетирует

Перебираю фотографии. Лет сорок копил. Вспоминаю. Сцены, роли, актеры. Разложить по годам времени нет. Впрочем, не времени, а душевных сил, чтобы перебрать пришедший к сердцу хаос повседневности. Не хочется признать себе, что на глянцевых листах — прошедшее. Сознание не мирится с этим шершавым словом.

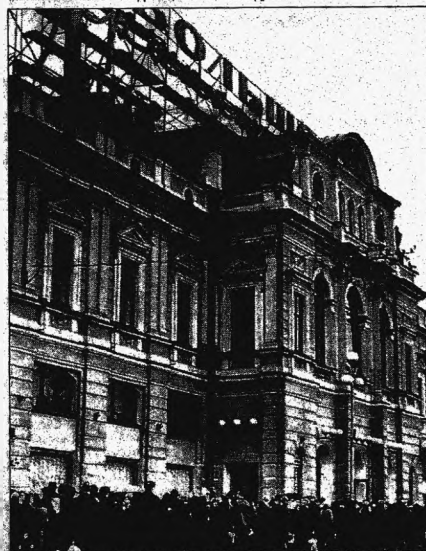
Что самое трудное в театральном сплеме? Убедить зрителей новых поколений, что некогда виденное тобой необыкновенно, величественно! «Ах, слышал я вашу Ермолову», — говорил я, школьник далеких довоенных лет, старикам, изливающим свои восторги от игры великой актрисы, слышал на планшете. Стоишь читая. Старомодный парос. Незамыслимо! Они смотрели на меня с грустью.

В семидесятые я сам уже не мог убедить (то есть сделать так, чтобы поверили) молодых моих коллег, что от Москвиты — Елизаветы — нечего было оторвать глаз, а интонации Книппер — Раневской до сих пор звучат во мне и что голос Качалова, читающего «От автора» в «Воскресении», заворачивал. Уходит в даль времени и товстоноговская эпоха Большого драматического, превращается в миф. Но театральные мифы — величина озадачивающая, и немудро поступают те, кто во что бы то ни стало стремятся его разрушить («А вы знаете, знаете, в жизни-то было совсем не так»). Как не вспомнить тут Пушкина, однажды раздраженно заметившего нам в назидание, что и

слабости великих не равня нашим с вами слабостям! Я подумал об этом в юбилейный вечер театра, что состоялся 15 февраля. Подумал в тот самый момент, когда здания БДТ осветились «архитектурной подсветкой», что превращает дом в нечто неведомое, зачарованное.

Да, живое чувство спектакля, увы, уже не передать, спектакли залегают в толщу истории — книги, статьи... Но непреходящая великая культура России, и есть в ней часть, принадлежащая ее великим театрам. Когда-то Горький говорил, что Художественный Станиславского и Немировича-Данченко — это так же прекрасно, как все самое прекрасное в Москве: Кремль, Василий Блаженный, Третьяковская галерея. Вот и БДТ Товстоногова (а он вел его 33 года!) так же прекрасен, как самое лучшее в Петровом граде — Эрмитаж, Адмиралтейский шпиль, Медный всадник.

Праздник состоялся точно в срок, 15 февраля 1999 года. 15 февраля 1919-го Большой драматический открылся. Афиша в музее театра, приглашающая на шиллеровского «Дона Карлоса», об этом напоминает. Но это из мира знания, не чувства, как и имена основателей — Блока, Горького, Андреевой, Юрьева, Монахова, Бабичева и многих других, как и название спектаклей, как и «фрагменты из жизни». А я перебираю фотографии спектаклей, поставленных тем, чье имя носит театр. И сердце мое дрожит...

Фонтика, 65. Известное всему миру здание

Иннокентий Смоктуновский — князь Мышкин. 1957 год. Это было впервые в моей театральной жизни — паломничество в открывшуюся вдруг театральную «Мекку». Служ ошеломил молодых сотрудников редакции журнала «Театр». «Красная стрела» высадил нас на перроне Московского вокзала в Ленинграде. Мы увидели того, кто долгие годы потом олицетворял собой образ «интеллектуального актера». Именно с этой роли в этом театре, в спектакле этого режиссера начался тот великий и разный Смоктуновский, что вызывал и в спектаклях, и в фильмах странную восторженную зрительских чувств, создавал то «толе приключенья», которое не выразишь словами. И во всех лучших и серьезнейших созданных его жон стех пор Достоевский, жил князь Мышкин.

Гитара на коленях. Взгляд в никуда. Домашним голосом песенка: «Миленький ты мой, возьми меня с собой...»

Зинаида Шарко в спектакле «Пять вечеров» по знаменитой (и в те годы считавшейся знаком «мелкотемья» по официальной идеологии) пьесе Александра Володина. Но поенку точно подхватили в квартирах, на кухнях, на загородных лужайках и в Ленинграде, и в Москве. Шарко и Ефим Колелан разыгрывали тую же печаль и надежды, согревавший наши души.

«Горе от ума». 1962 год. Эпиграф на занавесе: «И черт меня догадал родиться в России с душой и талантом!» Из Пушкина. Эпиграф снят по требованию властей. Мы тогда еще не ведали, сколько талантов изгонит Отечество, сколько сами покинут его.

— Распределение ролей — уже решение спектакля, — сказал мне однажды Георгий Александрович. На роль Чацкого выбран Сергей Юрский. Еще никому неведомый молодой актер. На фотографии он с Фамусовым — В. Полуйкино, доставляющим Товстоногову от прежнего БДТ. Уже на фотографии очевидно, кто есть кто в спектакле. Получающая снисходительность хозяина жизни против умной иронии представителя нового поколения.

«Ревизор». Н.Г.Гоголя. 1972 год. Наряду с Молчалиным из «Тора от ума» — одна из лучших работ Кирилла Лаврова. На съемке его Городничий с Анной Андреевной — Людмила Макаровой. Критик «Транжи», следивший за тем, чтобы у зрителя не возникло нежелательных ассоциаций с современной советской жизнью, грозил перстом: «Мысль режиссера читается и на сей раз: вот, мол, и такой интеллигентный, можно сказать, городской, и он охвачен, как и другие, паническим страхом. Страх всеобщий, страх всемогущ, страх живучий...» Не правда ли, мысль режиссера пророрская: убили страх — и что получилось?..

А после «Варваров», поставленных в 1959-м, «Мещане», явившиеся в 1966-м, стали мировым шедевром театра, едва ли не самым совершенным спектаклем Мастера, едва ли не лучшим созданием великого Евгения Лебедева. Об этой своей роли Бессоменова он напишет книгу. В течение четверти века спектакль не отпускал от себя зрителя. Взгляните на снимок. Отец — Е.Лебедев, сын — В.Рецеттер, мать — М.Прижан-Соколова, ныне старейшая актриса театра из поколения товстоноговского БДТ. Трагедия во взгляде Бессоменова, скрою во взгляде сына, смешной жест «наседки»-матери. Трагикомедия!

Не знаю отчего, но последней выбралась фотография из «Дяди Ваня» (1982 год). Знаю, что не по хронологии они расположились, по внутреннему чувству. Дядя Ваня — Олег Башилашвили и Астров — Кирилл Лавров. Может быть, в этот момент Астров говорит о том, что их положение в этом затхлом узком мире безнадежно, а может быть, что во всей округе было два порядочных человека... Последний чеховский спектакль Товстоногова.

«Три сестры». 1965 год. Вот они все, эти чудные, неотразимые, эти обыкновенные русские интеллигентные люди. В белом — Ирина, радостной красоты Эмма Попова; уже фундающая своего Варянина (Е.Колелан) Маша — не нагружена еще ничем, кроме своего необыкновенного артистического таланта, Татьяна Доронина; строгая, отдающая себя дому и сестрам Ольга — Зинаида Шарко. Теперь уже забыли, что в сороковых и в пятидесятых более скупых спектаклей, нежали по пьесам Чехова и Горького, в театрах России трудно было себе вообразить. Все становилось маленькими мистиками. Ставили как бы по обязанности. «Варяры» и «Три сестры» в БДТ возрвали этот нафталиновый мир. Пошел зритель, захваченный вечной энергией драматургов на все времена. БДТ показал, как это делается!

На юбилейном вечере Лавров сказал: «Когда уходит такой лидер — это катастрофа, но жизнь продолжается...» Да, такой лидер появился не скоро. Великие рождаются редко. Жизнь коротка, но искусство вечно, и надо работать. И они работают.

Уходит товстоноговская гвардия. Ушли Лебедев, Стрельчик, Медведев, Ковель, ушла сподвижница Мастера литера-

турный мозг театра Дина Шварц, ушел Луспекаев... Но приходят молодые. Пришел Темуру Чхеидзе, поставивший своей первый спектакль на сцене БДТ «Коварство и любовь» и еще шесть. Ставил Адольф Шалиро, приглашаются молодые и неизвестные режиссеры. Совершаются пробы, накаливаются та энергия ошибок, без которой, по мысли Льва Толстого, нет творчества. Главное — не форсировать

жизнь. Не искать непременно нового Товстоногова.

Коллектив театра вазалил бремя руководства на Кирилла Лаврова. Нелегкое бремя. Никаких советов тут ему дать нельзя. А пожелать нужно одного — мужества.

Александр
СВОБОДИН
Фотографии
Бориса СТУКАЛОВА